

РЕТРОСПЕКТИВНЫЕ ОСНОВЫ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЛИЯНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ СТАНДАРТОВ И ПРАВИЛ НА УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РОССИИ

П.В. Тепляшин

(докторант факультета по подготовке научно-педагогических кадров
Сибирского юридического института МВД России, кандидат юридических наук,
доцент, г. Красноярск; pavlushat@mail.ru)

В статье раскрываются особенности рецепции западного пенитенциарного опыта и идеи прав человека, впоследствии положенной в основу тюремного права. Указываются факторы, тормозившие гармонизацию отечественной и европейской моделей обращения с осужденными. Делается вывод о взаимосвязи ретроспективных и современных проблем в отечественной пенитенциарной сфере.

Ключевые слова: *пенитенциарное сотрудничество, естественные права человека, европейский пенитенциарный опыт, гуманизация, международные стандарты обращения с осужденными.*

Эффективность уголовно-исполнительного законодательства в регулировании соответствующих общественных отношений и предупреждении преступности, безусловно, во многом зависит от направленности и интенсивности внешнего цивилизационного воздействия. Такое воздействие в основном оказывается посредством международного права, которое призвано регулировать взаимовыгодное развитие национальных и правовых систем. При этом важно заметить, что «взаимодействие международной и национальных правовых систем охватывает не только право в его нормативном закреплении, правотворческую и правореализационную деятельность международных и внутригосударственных институциональных структур, но и такой важный компонент этих системных конструкций, как правосознание» [1, с. 34]. В этом смысле международное и европейское право позволяет удерживать не только позитивистский тип правопонимания, но и демонстрирует ценность естественно-правового содержания права. В частности, А. Ашвёс отмечает, что «единое европейское право обладает большей юридической силой, нежели чем национальное право... Причиной здесь выступает то обстоятельство, что Международный уголовный суд был образован именно для реализации данного права и на основе

соблюдения фундаментальных прав человека» [2, с. 63].

Следует заметить, что международно-правовые ценности преломляются в силу культурологических особенностей правопонимания в конкретном обществе, поэтому содержание международного права и правоприменительная практика реализации международных пенитенциарных стандартов и правил должны находиться в определенной зависимости от ментальных стереотипов поведения (архетипа восприятия права) и правосознания граждан российского общества. При ближайшем рассмотрении данных ментальных стереотипов поведения становится понятно, почему такая европейская культурологическая ценность, как индивидуализм, в обращении с осужденными далеко не всегда приемлема для отечественной уголовно-исполнительной системы, в основе которой лежит идея коллективного отбывания наказания. Вместе с тем именно подобная культурологическая самобытность и определенное различие архетипов восприятия права приводит к стремлению обнаружить общие черты социально-правового развития, обмена накопленным опытом и, в конечном счете, к правовой интеграции.

При этом важно подчеркнуть, что пенитенциарные правила, положенные в основу международно-правовых актов в

сфере обращения с осужденными, базируются на традициях права стран Западной Европы, поскольку в целом формирование и активное развитие международно-правового взаимодействия с выработкой соответствующих универсальных стандартов происходило между странами, традиционно являющимися представителями западной цивилизации.

Исследование концептуальных основ влияния международных пенитенциарных стандартов и правил на формирование уголовно-исполнительного права и законодательства России неотделимо от культурно-антропологического анализа ретроспективных процессов пенитенциарного сотрудничества и рецепции западных образцов обращения с осужденными, начало которым положено с генезиса восприятия отечественным правосознанием идеи прав человека.

Как представляется, истоками восприятия западной идеи прав человека, в дальнейшем положенной в основу цивилизованных форм обращения с осужденными, выступает рецепция рационализированного законодательства стран Запада в связи с реформами Петра Великого. В дальнейшем результаты данной рецепции обусловили потребность в восприятии культурологических ценностей реформ западной цивилизации и повышении в некотором смысле пенитенциарного правосознания граждан российского общества. Вместе с тем восприятие европейских правовых образцов, начавших активно проникать в российское правосознание при Петре I, было крайне затруднено прежними патриархальными нравами, бюрократизацией и пренебрежением власти собственным законодательством, внесудебным разрешением конфликтов. Ведь, как известно, «господство же патриархальных ценностей практически всегда сопровождается консерватизмом в общественном развитии» [3, с. 199].

В дальнейшем поступательное развитие права было вызвано возрастанием осознанного интереса к нему, поэтому и практически значимый рост интереса к субъективным и естественным правам человека, осознание его индивидуальности, столь

важной в сфере обращения с осужденными, произошел лишь во второй половине XVIII столетия. Однако в условиях укрепляющегося абсолютизма персоналистский (индивидуалистический) тип культуры не имел должного успеха, поэтому известные попытки Екатерины II претворить в жизнь идеи европейского гуманистического либерализма по отношению к тюремной сфере остались не реализованными. По указанию Екатерины II формально отменяется наказание в виде смертной казни. Безусловно, эта и иные меры, направленные на гуманизацию отечественной системы уголовных наказаний и практику их применения, явились результатом влияния европейских гуманитарных идей. Как точно отмечает А.П. Спиридонов, «для развития уголовного законодательства периода царствования Екатерины II характерно заимствование в зарубежном уголовном праве не норм и правил конструирования законов, а прогрессивных, гуманистических по своему содержанию уголовно-правовых идей и принципов» [4, с. 41]. Вместе с этим именно социально-экономическая и политическая ситуация рассматриваемого периода времени не позволила их реализовать.

Кроме того, основные требования Проекта императрицы об устройстве тюрем 1787 года не только в России, но и во многих других странах были в полном противоречии с действительным положением мест отбывания наказания в виде тюремного заключения. Прогрессивный характер данного Проекта (в том числе знаменитого Наказа) и отсутствие каких-либо реальных действий со стороны Екатерины по его претворению в жизнь не без основания порождают сомнения в его изначальной практической значимости, но позволяют отметить его лишь декларативно-демонстративное и политическое назначение.

Ведь, как известно, ко времени составления указанного выше Проекта идеи гуманизации наказания уже были известны в России. Так, А.В. Малько и А.Ю. Саломатин отмечают, что «первые признаки гуманизации уголовных наказаний обнаружались еще в XVIII в.» [5, с. 23]. В 90-х гг. XVIII столетия даже принимались меры к

популяризации идей гуманизации. Имеется в виду первый в России юридический журнал, носивший следующее название: «Театр судопроизводства или чтения для судей и всех любителей юриспруденции, содержащий достопримечательные и любопытные судебные дела, юридические исследования знаменитых правоискусников и прочие сего рода происшествия, удобные просвещать, трогать, возбуждать к добродетели и составлять полезное и приятное времяпрепровождение. Собрал Василий Новиков», в четвертой части которого был помещен перевод многих страниц из книги Джона Говарда «Состояние тюрем в Англии и Уэльсе» [6, с. XX]. В статьях под заголовками «Всеобщее изображение бедствий, претерпеваемых в английских тюрьмах», «Худые обычаи в английских тюрьмах» и «Поправление, предложенное господином Говардом к строению и управлению темниц» переводчик и издатель журнала описывает такое бедственное положение тюрем, которое имело место и в России. По мнению М.Н. Гернета, имеются все основания думать, что данные статьи печатались не только для того, чтобы познакомить русского читателя с состоянием иностранных тюрем, но и для того, чтобы обратить внимание на положение тюрем в России [7, с. 109-111]. Указанное свидетельствует, что в рассматриваемый период времени осмысление иностранного опыта в сфере уголовных наказаний и их исполнения со стороны России, а также государств Восточной Европы происходило лишь на познавательном уровне, без определенных практических шагов в сторону реального улучшения отечественного состояния тюрем и отбываемых в них наказаний (особенно со стороны государственных институтов).

Потребность в целенаправленном восприятии и практической реализации европейского пенитенциарного опыта появилась лишь в XIX столетии. При этом еще нельзя говорить о международных пенитенциарных стандартах в их современном понимании, но опыт обращения с осужденными в отдельных странах, с одной стороны, обусловил потребность его обсуждения

на уровне международного сотрудничества, с другой – детерминировал формирование универсальных правил, имеющих весомую апробацию и показывающих общепризнанный уровень права, базирующийся как раз на гуманитарных ценностях и правовых началах. В Европе с конца XVIII столетия зарождается гуманистическое движение, пересмотревшее смысл наказаний, основывающееся на нравственно-правовых теориях, уважении личности преступника и смягчении карательных притязаний государства. Произошел кризис идеи традиционно жестокого и нарочито публичного наказания. Идея воздаяния постепенно трансформировалась и взяла за основу концепцию о необходимом равновесии между наказанием и гуманностью, устанавливающей ограничения пределов карательного воздействия.

Несомненно, высокую роль в формировании и популяризации обозначенного движения сыграли выдающиеся гуманисты конца XVIII – начала XIX вв. – тюремный реформатор Джон Говард, философы Иеремия Бентам, Уильям Палей и Чезаре Беккария, филантроп Самуил Ромильи. Представители движения Просвещения были противниками имеющегося состояния уголовного правосудия. Можно сказать, что дух гуманизма эпохи Просвещения проистекал из «старшей и младшей школ». К первой относились Монтескье, Вольтер и Беккария, которые обрушили свою критику на теократическое учение о возмездии и одновременно с этим пытались рационализировать теорию устрашения. Главой «младшей школы» был неаполитанец Гаетано Филанджери, который, в отличие от представителей «старшей школы», особое внимание обратил на исправление наказуемого. В одной из главных своих работ – «Наука законодательства», написанной в 1783 году, он указывал на то обстоятельство, что наказание должно служить исправлению преступника. Развиваемая им идея о необходимости надзора за преступником, возможно, послужила методологической основой современной теории профилактики преступности. В частности, он активно выступал за наказание в виде депортации в

качестве реабилитационного метода, тогда как Чезаре Беккариа видел в этом наказании простое дистанцирование преступника от правопослушного населения [8, с. 120].

Таким образом, уголовно-правовая доктрина эпохи Просвещения, заключившая в себя теорию рационализованного устрашения (значительно улучшенную гуманитарным наполнением) и секуляризованное учение о возмездии, сделав прорыв в нравственно-правовых теориях, стала приматом уголовно-судебной практики в Европе XIX века. Указанные обстоятельства послужили основой для движения в сторону тюремной реформы как на Западе, так и в России и способствовали возникновению новой научной отрасли – тюремоведению. В России распространяются идеи против жестоких наказаний и находят своих последователей призывы к гуманности в борьбе с преступниками.

Правовая интеграция России в европейское пространство в первой половине XIX века привела к некоторым практически значимым заимствованиям наиболее прогрессивных пенитенциарных моделей. В частности, можно говорить о заимствовании идеи патроната. Впервые подобная организация возникла в Англии в 1816 году с образованием Общества улучшения условий тюремного заключения (Society for the improvement of Prison discipline), оказывающим заботу о должной организации тюремного режима, а также осуществляющим попечение за освобождающимися, как правило, несовершеннолетними осужденными. В 1817 году член данного Общества Вальтер Венинг посетил Петербург, где он, обследовав ряд тюрем, подготовил обстоятельный доклад на имя императора Александра I об условиях содержания заключенных и организации тюремного управления, а также с предложениями совершенствования организации тюремного дела. По-видимому, доклад произвел на императора неизгладимое впечатление, поскольку Александр I три раза собственноручно исправлял и дополнял предложения английского филантропа относительно совершенствования условий содержания заключенных и управления тюрем. На ос-

новании данной работы Александр I утвердил соответствующие правила для так называемого Общества попечительного о тюрьмах, которые функционировали последующие 32 года. В соответствии с данными правилами выдвигалось пять требований к организации обращения с осужденными: ближайший и постоянный надзор над заключенными, размещение их по роду преступления или обвинения, наставление заключенных в правилах христианского благочестия, занятие их приличными упражнениями, заключение провинившихся или буйствующих из них в уединенном месте [9, с. 15-17, 242-243].

Дальнейший толчок к сближению России и Европы в пенитенциарной сфере был дан Николаем I. Известно, что император, находясь с визитом в Лондоне, посетил уже положительно зарекомендовавшую себя Пентонвильскую тюрьму – Тюремный комплекс, функционирование которого началось в 1842 году в Англии (северная часть Лондона), и после этого выступил инициатором внедрения британского опыта организации тюремного дела в России. В результате в 1845 году были образованы специальные комитеты и комиссии по выработке рекомендаций о преобразовании отечественной пенитенциарной системы. В этом же году и в связи с принятием Уложения о наказаниях уголовных и исправительных по инициативе Николая I был сформирован комитет, направленный на устройство исправительных тюрем, организация которых во многом отражала принцип одиночного заключения, преобладающий в Пентонвильской тюрьме.

Дальнейшее расширение и развитие международных отношений во второй половине XIX века затронуло самые разнообразные стороны правоохранительной деятельности государств. Как справедливо отмечает А.П. Печников, начиная с 1862 года отечественными правоприменителями и учеными исследовался пенитенциарный опыт практически всех ведущих в то время западноевропейских стран. Министерство внутренних дел Российской империи поставило перед собой весьма перспективную цель – изучение зарубежного пенитенци-

арного опыта, для того чтобы на его основе выбрать доступную для России модель пенитенциарной системы. Была проделана огромная аналитическая работа по изучению зарубежных пенитенциарных систем практически всех европейских государств с целью приспособления к российской тюремной действительности [9, с. 63-64].

Начиная с середины XIX столетия постепенно формируются нормы международного пенитенциарного права, в основе которых лежали образцы национальных систем уголовного правосудия. На данном этапе, по существу, происходило лишь накопление фактологического материала и пенитенциарных образцов, вызывающих соответствующий интерес, но не являющихся правилами. Так, именно посредством сравнительного исследования иностранных моделей обращения с осужденными вырабатывались конкретные рекомендации тюремных конгрессов, первая серия которых связана с проведением международного конгресса во Франкфурте-на-Майне, состоявшегося в 1846 г., вторая – с международным конгрессом в Лондоне, состоявшегося в 1872 г. Обсуждение иностранного пенитенциарного опыта с выработкой рекомендаций, еще пока не имеющих общепризнанного значения и во многом обязательного выполнения, происходило в рамках второй серии вплоть до 1950 г., в котором под эгидой Международной уголовной и пенитенциарной комиссии состоялся последний тюремный конгресс в Гааге. Однако именно в этот период закладывается информационная основа и предопределяется культурно-гуманистическая направленность норм международного пенитенциарного права, формируется методика разработки стандартов в области обращения с осужденными.

Россия не оставалась в стороне от работы тюремных конгрессов. Так, на конгрессе, состоявшемся в 1872 году, впервые приняли участие русские пенологи. Кроме того, четвертый конгресс состоялся в Петербурге в 1890 году.

Вместе с тем рецепция европейских моделей обращения с осужденными, осуществляемая посредством международно-

го пенитенциарного сотрудничества, затормаживалась отсутствием в России законодательного закрепления ряда личных и гражданских прав, медленным действием результатов судебной реформы, незавершенностью отраслевой дифференциации законодательства. Указанные проблемы, безусловно, не могли быть устранены и после революционных событий в период непродолжительного существования с марта по октябрь 1917 года Временного правительства. Соответственно, в данный период также не учитывался положительный опыт европейских моделей обращения с осужденными.

В 70–80-е гг. делается попытка реформирования советской исправительно-трудовой системы, в рамках которой международным пенитенциарным стандартам и правилам отводилась достаточно ограниченная и сугубо информационная роль. Так, проводятся эксперименты, связанные с классификацией осужденных, укрупнением отрядов по производственному принципу, организацией воспитательной работы, и ряд других. Кроме того, 18 декабря 1970 года принимается ИТК РСФСР, вступивший в действие с 1 июля 1971 г. Вместе с тем именно с 70-х годов вновь после амнистии 1953 года и реорганизации исправительно-трудовых лагерей в исправительно-трудовые колонии в 1956 году начинает расти численность осужденных, отбывающих лишение свободы. Так, к 1986 году число заключенных по сравнению с серединой 50-х – концом 60-х гг. фактически вновь удвоилось и составило 2 356 933 человека (846 заключенных на 100 тысяч населения).

Как представляется, одной из причин неудавшейся реформы выступает тот факт, что в советский период характер международного сотрудничества имел сугубо политико-прагматичный характер, а исправительно-трудовая политика формировалась без соответствующего учета международного опыта в этой сфере. Значение международных стандартов обращения с осужденными фактически игнорировалось. В определенной мере можно согласиться с С.А. Рожковым, отмечающим, что до конца

1980-х гг. советская исправительно-трудовая система была закрыта для международных стандартов обращения с осужденными [10, с. 128].

В связи с этим международные пенитенциарные стандарты, закрепленные, в частности, в Минимальных стандартных правилах обращения с заключенными 1955 года, практически не были восприняты советской исправительно-трудовой системой и законодательством. Практически до «начала 90-х гг. международные стандарты обращения с осужденными самостоятельно не освещались в учебниках по исправительно-трудовому праву и не были введены в повседневный широкий научный оборот. В условиях сложившегося в стране административно-командного механизма управления ведомственная закрытость уголовно-исполнительной системы не способствовала правильному восприятию общепризнанных международных стандартов практическими работниками и препятствовала объективной оценке существующего в данной системе фактического положения с позиций международных стандартов» [11, с. 128]. Кроме того, симптоматичным является тот факт, что специализированные международные пенитенциарные акты, например Минимальные стандартные правила обращения с заключенными 1955 года, зачастую выходили в СССР под грифом «Для служебного пользования».

Необходимо отметить, что в рассматриваемый период СССР было ратифицировано достаточно незначительное количество международно-правовых актов в области прав человека. Например, Международный пакт о гражданских и политических правах, принятый Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН 16 декабря 1966 года, ратифицирован Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 сентября 1973 года и вступил в силу для СССР 23 марта 1976 года. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 января 1987 года ратифицирована Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, принятая Резолю-

цией 39/46 Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1984 года. Вместе с тем подобные международно-правовые акты носили отчасти общий характер и не имели целенаправленного отношения к пенитенциарной системе.

Из лишь информационного и в известной степени ограниченного значения этих стандартов в советский период они стали существенным фактором радикальных преобразований в современной уголовно-исполнительной политике и одним из критериев «цивилизованности» отечественной уголовно-исполнительной системы в целом.

В настоящее время, если современная Россия присоединяется к какому-либо международному документу, определяющему стандарты обращения с осужденными, принимает обязательства по его исполнению или тем более ратифицирует его, то необходимо последовательно претворять его в жизнь. Реализация международных обязательств в этом случае является «делом чести» для России, их неисполнение может существенно подорвать международный политический авторитет страны и нанести тем самым существенный вред внешнеполитическим интересам. Так, на заседании президиума Государственного совета, проходившего 11 февраля 2009 года в Вологде, Президент России Д.А. Медведев в рамках обсуждения вопроса о состоянии уголовно-исполнительной системы и подходов к ее долгосрочному развитию на период до 2020 года указал на необходимость приведения всей пенитенциарной системы и законодательства в полное соответствие с международными стандартами.

Так, следуя по пути гармонизации уголовно-исполнительного права в части отражения объективной закономерности взаимодействия международного и внутригосударственного права, законодатель Федеральным законом от 3 апреля 2008 года № 40-ФЗ «О внесении изменений в статью 3 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации» [12] закрепил идею о непреложности примата международного права над национальным законодательством.

Важно заметить, что влияние международных пенитенциарных стандартов на российскую практику исполнения уголовных наказаний, в первую очередь, связанных с лишением свободы, оказывается не только в отношении естественных прав осужденных, повышения средств их правовой защиты и безопасности, профессионализма персонала исправительных учреждений, но и дифференциации режимных требований и юридических условий отбывания наказания. При этом именно данный аспект функционирования отечественной уголовно-исполнительной системы нуждается в реформировании, внутренней и международно-правовой гармонизации. В частности, рассматривая проблему реализации международных стандартов в области прав человека при исполнении пожизненного лишения свободы, В.Ф. Цепелев и Е.Н. Казакова справедливо отмечают: «Жесткая степень изоляции и социальная депривация, бессрочность наказания, низкая степень дифференциации условий содержания, сроков перевода с одних условий на другие... свидетельствуют, что условия содержания пожизненно осужденных в полной мере не соответствуют жизни в обществе, их человеческому достоинству и не способствуют их ресоциализации» [13, с. 257]. Развивая данную мысль, исследователи приходят к аргументированному выводу о том, что длительный период изменения условий отбывания наказания и высокие формальные требования к условно-досрочному освобождению данной категории осужденных приводят к утрате социально-адаптивных навыков поведения, потере навыков социально-одобряемого поведения, развитию регресса личности. Так, «согласно международным документам, применительно к пожизненному лишению свободы пересмотр приговора должен осуществляться после отбывания срока лишения свободы от восьми до четырнадцати лет и повторяться через регулярные промежутки времени» [13, с. 258-259].

В связи с вышеизложенной проблемой необходимо обратить внимание на особенности функционирования отечественной прогрессивной системы исполне-

ния наказания, которая уже давно не соответствует потребностям правоохранительной деятельности. В частности, как верно замечает старший прокурор управления по надзору за законностью исполнения уголовных наказаний Генеральной прокуратуры Российской Федерации С. Березиков, «в самом механизме исполнения лишения свободы заложены факторы, в определенной мере продуцирующие повторную преступность... совершенствование дифференциации исполнения наказания – одно из направлений предполагаемых изменений» [14, с. 41]. В связи с этим прокурором отмечается низкий показатель изменения условий в исправительных учреждениях, который в 2008 году в среднем по России составил 9,4 %, и предлагается выделить дополнительные подгруппы лиц, отбывающих наказание в обычных условиях. Кроме того, С. Березиков верно отмечает, что уголовно-исполнительное законодательство не раскрывает сущности института условий отбывания наказания, определения добросовестного отношения к труду, что препятствует их более глубокой дифференциации с учетом различных степеней исправления осужденных [14, с. 42-43].

Как представляется, данные предложения в целом соответствуют европейским пенитенциарным стандартам в области дифференциации осужденных. Вместе с тем принципиальное решение данной проблемы должно быть неотделимо от гарантий соблюдения прав осужденных, связано с расширением процедурных механизмов регулирования уголовно-исполнительных отношений и, как следствие, с созданием института пенитенциарного суда, в компетенцию которого необходимо включить и решение вопросов о переводе осужденных из одних условий отбывания наказания в другие. Однако грядущая реформа отечественной пенитенциарной системы фактически связана с переходом от «колонийской» к «тюремной» системе размещения осужденных, расширением практики технического надзора за осужденными (имеется в виду новая модель ограничения свободы) и «трудотерапии» с введением нового наказания в виде принудительных

работ. Результаты такой реформы не будут иметь скорого эффекта без серьезного применения исправительного воздействия, основанного на комплексной реализации всех средств исправления, закрепленных в ч. 2 ст. 9 УИК РФ, расширения судебного компонента в механизме регулирования уголовно-исполнительных отношений и диспозитивных основ уголовно-исполнительного законодательства (в частности, предоставление осужденным широких возможностей реализации их законных интересов).

В настоящее время важно говорить об определенном планировании постепенного внедрения международных пенитенциарных стандартов в отечественную практику исполнения уголовных наказаний. Отчасти такое планирование отражено в утвержденной Постановлением Правительства Российской Федерации от 5 сентября 2006 г. № 540 Федеральной целевой программе «Развитие уголовно-исполнительной системы (2007–2016 годы)», раскрывающей основные направления последовательного исполнения международных обязательств России посредством программно-целевого метода и указывающей на важность «неуклонного внедрения международных стандартов обращения с заключенными в практику исполнения наказаний» [15]. При этом в программе отмечается необходимость учета того обстоятельства, что согласно Европейским пенитенциарным правилам отсутствие достаточного количества ресурсов для достойного содержания заключенных не может являться оправданием нарушения их человеческих прав, что в принципе противоречит закрепленному в ч. 4 ст. 3 УИК РФ положению: «Рекомендации (декларации) международных организаций по вопросам исполнения наказаний и обращения с осужденными реализуются в уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации при наличии необходимых экономических и социальных возможностей».

Более того, в соответствии с программой к 2017 году лишь 26 из 238 следственных изоляторов предположительно будут соответствовать международным стан-

дартам (в первую очередь из расчета 7 м² на одного заключенного). Вместе с тем в программе «Развитие уголовно-исполнительной системы (2007–2016 годы)» указывается следующее: «Как отмечается в комментариях Совета Европы к Европейским пенитенциарным правилам, есть основания полагать, что норма санитарной площади на одного заключенного будет определена Европейским комитетом в пределах 9–10 м²».

В связи с этим сложно согласиться с И.В. Никитенко, полагающим, что «в настоящее время не имеется такого стандартного правила, которое не могло бы быть воспринято российским уголовно-исполнительным законодательством в обозримом будущем» [16, с. 151]. Данное суждение противоречит не только фактическому состоянию отечественной пенитенциарной системы, но и уголовно-исполнительной политике, отражающейся в том числе в рассматриваемой программе и ожидаемых в ней результатах. Так, 11 февраля 2009 года на заседании президиума Государственного совета в Вологде в рамках обсуждения вопроса о состоянии уголовно-исполнительной системы и подходов к ее долгосрочному развитию на период до 2020 года Д.А. Медведев отметил, что «...мы сделали пока только самые первые, но достаточно важные шаги к созданию эффективной, справедливой и цивилизованной системы исполнения наказания в нашей стране... состояние уголовно-исполнительной системы нас еще ни в коей мере не может удовлетворить».

Утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 14 октября 2010 г. № 1772-р Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года своей первоочередной целью ставит «повышение эффективности работы учреждений и органов, исполняющих наказания, до уровня европейских стандартов обращения с осужденными и потребностей общественного развития» [17]. Вместе с тем в данной Концепции не указаны критерии оценки соответствия отечественной уголовно-исполнительной системы уровню

европейских стандартов, не обозначено, о каких европейских стандартах идет речь.

Исследователи вопросов реализации международно-правовых норм в отечественную уголовно-исполнительную систему и законодательство отмечают несоответствие многих положений и фактического состояния условий исполнения уголовных наказаний международным пенитенциарным стандартам. Например, Ф.М. Городинец справедливо отмечает невыполнение рекомендаций Минимальных стандартных правил обращения с заключенными 1955 года в части соблюдения половых различий между осужденными и персоналом исправительного учреждения [18, с. 163]. Некоторым положениям международных пенитенциарных стандартов и правил уголовно-исполнительное законодательство России приводится в соответствие до сих пор. В частности, норма, содержащаяся в ч. 3 ст. 12 УИК РФ, при ее буквальном толковании допускала проведение над осужденными медицинских и иных опытов, которые не ставят под угрозу их жизнь и здоровье. Данное положение находилось в противоречии с п. 27 Части II Приложения к Рекомендации № R (87)3 Комитета Министров государствам-членам относительно Европейских пенитенциарных правил, принятого Комитетом Министров Совета Европы 12 февраля 1987 г., где указывается на запрет проведения каких-либо опытов над осужденными. Лишь с принятием Федерального закона № 191-ФЗ от 19 июля 2009 г. «О внесении изменения в статью 12 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации» рассмотренное противоречие было устранено посредством закрепления в ч. 3 ст. 12 УИК РФ указания на то, что осужденные независимо от их согласия не могут быть подвергнуты медицинским, научным или иным опытам, связанным с испытанием лекарственных средств, новых методов диагностики, профилактики и лечения заболеваний, а также проведением биомедицинских исследований» [19].

Существенным недостатком Федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы (2007–

2016 годы)» является то обстоятельство, что в ней не затрагиваются вопросы соответствия международным стандартам условий содержания осужденных в исправительных учреждениях. Такое «соответствие» отражает только санитарно-бытовые условия, а именно 7 м² санитарной площади на одного подследственного, содержащегося в СИЗО. Более того, в ч. 1 Правила 100 Европейских пенитенциарных правил 2006 года указывается на необходимость предоставления заключенным, дела которых еще не рассмотрены в суде, возможности работать. Согласно ч. 2. данного Правила на работающих заключенных должны распространяться все положения Правил 26, которые, в свою очередь, рекомендуют совмещать работу с «элементами профессиональной подготовки», предоставлять заключенным возможность выбирать интересующий их вид трудовой деятельности, организовывать трудовую деятельность, максимально схожую с методами аналогичной работы в обществе. Безусловно, выполнение данных требований, закрепленных не только в Европейских пенитенциарных правилах 2006 года, а также в ст.ст. 4 и 5 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года, требует как соответствующего финансирования, так и широкого проведения плановых организационно-технических мероприятий.

В настоящее время соответствующий уровень закрепления труда лиц, содержащихся в следственных изоляторах, в действующем законодательстве не отражен. Более того, сложно согласиться с мнением Е.В. Емельяновой о том, что положения российского уголовно-исполнительного законодательства в области привлечения осужденных к труду приведены в соответствие с международными стандартами [20, с. 144]. Как представляется, привлечение осужденных, отбывающих уголовные наказания, также имеет ряд проблем. Как указывается специалистами в этой сфере, «вопрос о трудоустройстве осужденных сейчас является одним из острых и трудноразрешимых в местах лишения свободы» [21, с. 328]. В свою очередь, Н.Н. Дерюга отмечает, что

«произошел разрыв хозяйственных связей между предприятиями различных организационно-правовых форм и предприятиями исправительных учреждений, приостановилось обновление технически отсталой материальной базы» [22, с. 328]. В результате экспертные оценки показывают, что в настоящее время уровень трудоустроенных осужденных в местах лишения свободы не превышает 35 %.

Таким образом, следует констатировать, что в программе «Развитие уголовно-исполнительной системы (2007–2016 годы)», а также Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года не рассматриваются международные стандарты относительно уровня медицинского обслуживания, трудовой занятости и профессионального обучения осужденных в местах лишения свободы, которые занимают важное место в системе обеспечения средств исправления осужденных. В данных документах не отражены критерии оценки соответствия отечественной уголовно-исполнительной системы уровню европейских стандартов.

В связи с этим настоятельно требуется усиление рассматриваемой программы комплексными указаниями на конкретные международные пенитенциарные стандарты, которые должны быть реализованы Российской Федерацией. Ведь реализация стандартов только санитарно-бытового характера не в полной мере отражает потребности отечественной уголовно-исполнительной системы в гармоничном развитии и накоплении арсенала всех средств воздействия на осужденного. Кроме того, реализация изложенных в программе стандартов направлена, в первую очередь, на гуманизацию условий содержания подозреваемых, обвиняемых и подсудимых в следственных изоляторах, а не на создание условий для эффективного исправления осужденных в местах лишения свободы.

Таким образом, обозначенные проблемы демонстрируют настоятельную необходимость скрупулезного исследования международных пенитенциарных стандартов и правил на предмет необходимости

и возможности их реализации в отечественной практике исполнения уголовных наказаний. В условиях реформирования уголовно-исполнительной системы и возрастания требований к ее антикриминогенному потенциалу необходим новый, более взвешенный подход к выработке международных договоренностей и имплементации общепризнанных пенитенциарных стандартов и правил.

1. Гаврилов В. К вопросу о взаимодействии международной и национальных правовых систем в контексте идеологии и правосознания // Контакт России и стран АТР в правовом дискурсе / отв. ред. А.И. Коробеев. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2005. С. 33-44.

2. Ashworth A. Principles of Criminal Law. 3rd ed. New York – Oxford: University Press, 1999. 534 p.

3. Социальная антропология права современного общества: монография / И.Л. Честнов [и др.]. СПб.: С.-Петербург. ин-т внешнеэкономических связей, экономики и права, Общество «Знание» Санкт-Петербурга и Ленинградской области, 2006. 248 с.

4. Спиридонов А.П. Взаимодействие российского уголовного права с системами права других государств: исторический аспект // Научный вестник Омской академии МВД России. 2009. № 3 (34). С. 37-43.

5. Малько А.В., Саломатин А.Ю. О некоторых чертах модернизационных процессов в современных условиях // Государство и право. 2004. № 3. С. 23-31.

6. Howard J. The State of the Prisons. London: J.M. Dent&Sons Ltd.; New York: E.P.Dutton&Co.Inc, 1929. 306 p.

7. Гернет М.Н. История царской тюрьмы: в 5 т. Т. I (1762–1825). 3-е изд. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1960. 384 с.

8. Беккария Ч. О преступлениях и наказаниях / сост. и предисл. В.С. Овчинского. М.: ИНФРА-М, 2004. 184 с.

9. Печников А.П. Тюремные учреждения российского государства (1649 – октябрь 1917 гг.): Историческая хроника. М.: Щит-М, 2004. 325 с.

10. Рожков С.А. Международные стандарты обращения с осужденными и уголовно-исполнительное законодательство РФ // Вестник Пермского университета. 2009. Вып. 1 (3). С. 125-131.
11. Уголовно-исполнительное право России: теория, законодательство, международные стандарты, отечественная практика конца XIX – начала XXI века: учебник для вузов / под ред. А.И. Зубкова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: НОРМА, 2003. 720 с.
12. Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 14. Ст. 1359.
13. Цепелев В.Ф., Казакова Е.Н. Международные стандарты в области прав человека и их реализация в процессе назначения и исполнения пожизненного лишения свободы // Российский криминологический взгляд. 2008. № 3. С. 249-260.
14. Березиков С. Условия отбывания наказания в исправительных учреждениях надо менять // Законность. 2009. № 6. С. 41-43.
15. Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 39. Ст. 4075.
16. Никитенко И.В. Реализация международных стандартов обращения с осужденными как одно из направлений гуманизации уголовно-исполнительной политики России // Проблемы обеспечения законности и правопорядка в Дальневосточном регионе: сб. науч. тр. по материалам междунар. науч.-практ. конф. (12-13 мая 2004 г.). Хабаровск: Дальневосточный юрид. ин-т МВД России, 2004. С. 149-152.
17. Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 43. Ст. 5544.
18. Городинец Ф.М. Имплементация международно-правовых норм при исполнении наказания в виде лишения свободы в российском законодательстве и правоприменительной практике: монография. СПб.: СПбГУАП, СПбУ МВД России, 2002. 174 с.
19. Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 29. Ст. 3628.
20. Емельянова Е.В. Международные стандарты в области привлечения осужденных к труду и их реализация в уголовно-исполнительном законодательстве России // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 318 (Январь). С. 143-145.
21. Рыбак М.С. Ресоциализация осужденных к лишению свободы: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов: Саратовская гос. академия права, 2001. 450 с.
22. Дерюга Н.Н. Организационно-правовые проблемы занятости осужденных, содержащихся в местах лишения свободы: дис. ... д-ра юрид. наук. Хабаровск: Дальневосточный юрид. ин-т МВД России, 2003. 476 с.